

ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОПЫТ ПРОВЕРКИ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

А.А. Байков

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА • 1/2010

Региональная интеграция находится в ряду наиболее заметных черт мирового развития в условиях глобализации. Начавшись в 1951 г. в западноевропейском регионе в форме Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) и затронув относительно узкую группу государств, она стала распространяться на другие части мира, превратившись в одну из основных стратегий межгосударственного взаимодействия с целью укрепления коллективного или индивидуального потенциала стран-участниц.

К концу 2000-х годов политико-экономические проекты интеграционного типа стали определять международно-политическую реальность далеко за пределами Европейского Союза, который вместе с тем остается механизмом наиболее комплексного межгосударственного сотрудничества, в который трансформировались инициативы западноевропейских государств начала 1950-х годов.

Особенно стремительно расширение географии интеграционных взаимодействий происходило в 1990-х и 2000-х годах. Наглядно эту тенденцию можно проиллюстрировать на примере увеличения числа зон свободной торговли — первичной ступени интегрирования хозяйств. Если в 1990 г. в мире насчитывалось только 16 функционирующих зон свободной торговли, то в 1997 г. — 72, а уже в 2005-м — 153¹. Без преувеличения все регионы мира оказались пронизанными импульсами интеграционного типа, отчасти даже пространство СНГ. Судя по составу

большинства группировок, готовность к интеграции практически не зависит от исходного уровня развитости сближающихся стран или их долгосрочных целей.

Разумеется, не везде и не всегда межгосударственное сотрудничество правомерно называется интеграцией. В академическом сообществе продолжают содержательные и весьма плодотворные дискуссии по поводу понятийных и критериальных аспектов ее интерпретации. Вместе с тем бесспорно, что в ряде регионов, прежде всего в зарубежной Европе, Восточной Азии, Северной и Южной Америке, сроки осуществления, масштабность программ интеграционного характера, а также степень приверженности им местных лидеров и граждан не позволяют усомниться в том, что речь идет о реальных, но одновременно сложных политических, экономических, культурно-идеологических процессах, проблемах и результатах. К концу первого десятилетия XXI века накоплен разнообразный эмпирический материал по развитию региональных очагов интеграции, который стимулирует серьезное осмысление опыта интеграционного развития на основе сравнительного выявления черт сходства и различий между ними. Очевидно, что глобальный тренд требует и глобального осмысления.

Фокус сравнительного анализа в настоящей статье ограничен интеграционными взаимодействиями на пространстве двух международно-политических регионов — зарубежной Европы и Восточной Азии. Под зарубежной Европой в предлагаемом контексте понимаются страны Западной и Центрально-Восточной Европы, входящие

¹ Dent Ch. East Asian Regionalism. London, New York, 2008. P. 184.

в Европейский Союз в настоящее время или находящиеся с ним в отношениях преференциального сотрудничества, а под Восточной Азией — совокупность стран Юго-Восточной² и Северо-Восточной³ Азии.

1

Тенденция к региональной межгосударственной интеграции, породившая после окончания Второй мировой войны мощное интеграционное «ядро» в Западной Европе, подразумевала нарастание однородности характеристик интегрирующегося пространства на базе единства культурных символов, институциональной и правовой систем, а также экономического комплекса. Принцип гомогенизации был положен в основание концепции региональной интеграции в мире и определил направление и содержание интеграционных исследований в целом.

Впоследствии задача сопоставления интеграционного опыта ставилась многократно⁴. Для ее решения аналитики продолжали интуитивно отталкиваться от допущения о нормативности западноевропейской модели. В результате степень «интеграционности» той или иной региональной версии определялась путем соотнесения с достижениями ЕЭС/ЕС. При сравнении, как правило, использовались стандартные критерии: распространение наднационального принципа принятия решений и продвижение по «лестнице Бэлы Балаши⁵». Реже,

и преимущественно в экономической литературе, встречается такой индикатор, как доля внутрирегиональной торговли в общем торговом обороте стран-членов⁶.

Упрекать исследователей евроинтеграции в абсолютизации значения опыта ЕС нет смысла. Когда в СССР только создавалась школа интеграционных исследований⁷, объектом ее изучения был и мог быть только один очаг интеграции — в Западной Европе. Однако сегодня интеграционные тенденции характерны для очень многих регионов мира. Лидеры и ученые в Западном полушарии и странах Азии широко и свободно применяют слово «интеграция» для описания реальных экономических и политических тенденций, в которых участвуют их страны. Термин «интеграция» прочно вошел в словарь российских политиков и политологов при

го процесса от создания зоны свободной торговли к таможенному союзу, общему рынку, экономическому и валютному союзу и далее к политическому объединению с элементами наднациональности. См. Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. Greenwood Press Reprint, 1982.

⁶ В экономической литературе вместо термина интеграция применяется термин «конвергенция», под которой понимается, с одной стороны, сближение основных показателей развития, а с другой — унификация социально-экономических политики. В первом случае конвергенция измеряется такими параметрами, как отношение взаимной торговли ко всему внешнеторговому обороту или ВВП, как динамику сближения внутренних цен на однородные товары, процентных ставок по кредитам одинаковой срочности. Буторина О.В. Интеграция в стиле фанк // *Россия в глобальной политике*. Сентябрь — декабрь 2006.

⁷ Началом отечественных исследований интеграции принято считать дискуссию на страницах журнала «Новое время», открытую статьей Н. Молчанова «О шумихе вокруг общего рынка» (*Новое время*. 1957. № 5. С. 6–9. Первая школа интеграционных исследований в СССР (России) сложилась в ИМЭМО с 1958–1962 годов под руководством академика А. А. Арзуманяна. Подробнее см.: Борко Ю.А. Эволюция взглядов на европейскую интеграцию в СССР и России: политический и научный подходы // Борко Ю.А. *От европейской идеи — к единой Европе*. М., 2003. С. 207–209.

² Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.

³ КНР, Тайвань, Южная Корея, Япония.

⁴ Достаточно назвать лишь несколько работ: Лицарева Е.Ю. *Экономическая интеграция на Европейском континенте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине XX века*. Томск, 2004; Шишков Ю.В. *Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ?* М., 2001; Langhammer R.J. *Regional Integration APEC style: Lessons from integration EU Style*. Singapore, 1999; Katzenstein P. *A World of Regions. Asia and Europe in the American Imperium*. N.Y.: Cornell University Press, 2005.

⁵ Концепция Б. Балаши предусматривала последовательное восхождение интеграционно-

обсуждении вопросов развития СНГ. Как указывает специалист по восточноазиатскому регионализму профессор Йоркского университета Марк Бисон, «...нет никаких оснований утверждать, что европейский опыт указывает на единственную исторически возможную форму регионального взаимодействия, или что успех любого регионального объединения должен оцениваться исключительно по его способности воспроизвести структуры и практики ЕС»⁸.

«Интеллектуальная монополия» ЕС на понимание и интерпретацию интеграции вне ЕС уже никем не признается. В общем потоке научных трудов о феномене межгосударственной интеграции работы по ЕС составляют сегодня только часть, хотя и весомую. Объектом изучения все чаще выступает не столько степень воспроизведения европейских институтов и не соотношение наднациональности и межправительственного подхода (то и другое является уникальным европейским явлением и малопродуктивно в трансрегиональных сравнениях), сколько эффективность местных форм интегрирования и механизмов управления ими.

Сравнительный анализ интеграции допустимо проводить по следующей схеме — изучение исходных мотивов интеграции, специфики географического распространения интеграционных импульсов, сближения в экономике и институциональных особенностей объединения. Предложенная схема «работает» одинаково удачно при описании интеграционных процессов как в зарубежной Европе, так и в Восточной Азии.

2

9 мая 1950 г. министр иностранных дел Франции Р. Шуман, обращаясь к руководству Западной Германии (и любых других заинтересованных государств), публично предложил «поставить угледобывающую и сталелитейную промышленность под контроль Высшего руководяще-

го органа в рамках организации, открытой для диалога с другими государствами Европы»⁹. На приглашение о сотрудничестве откликнулись Италия и страны Бенилюкса¹⁰. Начался процесс *западноевропейской интеграции*, охвативший исходно лишь экономическую сферу.

Для ее успешной реализации к тому времени сложились благоприятные условия. В послевоенной Западной Европе политики и общественные деятели широко апеллировали к понятиям «интеграция», «союз» и даже «наднациональность», видя в них гарантию от повторения разрушительной истории предшествующих десятилетий¹¹. Побудительным мотивом

⁹ Fontain P. Europe: A Fresh Start: The Schuman Declaration, 1950-90. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1990. P. 44.

¹⁰ Прежде чем предать план создания ЕОУС огласке, Монне и Шуману было необходимо заручиться согласием самого французского правительства, ФРГ и США. 9 мая 1950 г. за несколько часов до официального выступления Шуман проинформировал о предложении Кабинет министров Франции и отправил его федеральному канцлеру ФРГ К. Аденауэру. Последний откликнулся сразу же и заверил Шумана в своей полной поддержке: Аденауэр сам мечтал о франко-германском примирении. См.: Adenauer K. *Memoirs, 1945-1966*. Chicago: Henry Regnery, 1966. P. 244-248.

Американцы были посвящены в суть французского плана во время визита в Париж 7 мая 1950 г. госсекретаря США Дина Ачесона. Известны слова Ачесона, адресованные Р. Шуману: «Эффективность нашей политики в германском вопросе зависит от вашей готовности взять на себя роль лидера в Европе». См.: Acheson D. *Present At The Creation: My Years in the State Department*. New York: Norton, 1969. P. 383-384.

¹¹ Первые попытки инициировать процесс в поддержку «европейской федерации» предпринимались еще в межвоенный период. В 1923 г. Ричард Куденхов-Калерджи, австро-венгерский аристократ и публицист, организовал организацию под названием Паневропа. Среди ее активных сторонников был и министр иностранных дел Франции Аристид Бриан. В 1929 г. он произнес в Лиге Наций пламенную речь с призывом ускорить создание европейской федерации. В тех условиях этот призыв французской элиты не был услышан. Подробнее см.: Coudenhove-

⁸ Beeson M. *Regionalism and Globalisation in East Asia*. New York, 2007. P. 5.

к сотрудничеству интеграционного типа в Западной Европе действительно была профилактика воспроизводившихся в нескольких поколениях страхов повторения конфликта, особенно остро ощущавшихся во Франции, пережившей три крупных вооруженных столкновения с Германией за менее чем 100 лет.

Решение Франции и Западной Германии объединить в 1951 г. базовые отрасли экономики (уголь, сталь) и тем самым ограничить свои полномочия в управлении ими в самом деле было беспрецедентным. Следует помнить, однако, что его реализация стала возможной в силу стечения обстоятельств: Западная Германия была оккупирована Францией и не обладала полным суверенитетом, а Британия, в принципе способная противопоставить планам Франции собственную программу действий, предпочла остаться в стороне от проекта ЕОУС¹². *Считать наднациональность универсальной чертой интеграции уместно не в большей степени, чем ожидать в разных регионах мира стечения тех же исторических обстоятельств, что сложились в Западной Европе в 1945–1951 годах.*

Нет оснований преувеличивать и значение фактора «кризиса национально-го государства» для западноевропейской интеграции, а также тезиса французских

интеллектуалов о желательности замены государственного порядка «надгосударственным»¹³. Не секрет, что многочисленные сторонники генерала де Голля, например, не разделяли подобных взглядов ни в 1940–1950-х годах, ни позднее. Идея об устаревании государственного суверенитета впитала субъективные переживания французской элиты по поводу катастрофичного опыта Третьей республики в межвоенный период (с ее неустойчивым парламентарным режимом, не сумевшим предотвратить капитуляцию Франции и последовавший за ней период коллаборационизма), а эгоизм национальных интересов, который Ж. Монне, Р. Шуман и другие сторонники «Европейской Федерации» обличали в конце 1940-х годов, оставался основой внешней политики самой Франции как минимум до 1970-х годов. Скорее, *интеграция была призвана решить сугубо национальные задачи Франции: недопущение реанимации германского милитаризма и возвращение статуса лидера континентальной Европы.*

В каком-то смысле наднациональность в Западной Европе была не следствием кризиса государственного суверенитета, а его торжеством: возрождая свое лидерство, французы смогли отстоять собственный вариант сотрудничества с Германией, воспользовавшись слабостью последней. Эта же формула под влиянием Парижа была принята и другими более слабыми странами Бенилюкса, а также Италией, где, как и в Западной Германии, в то время процветали пацифистские настроения, свойственные побежденным государствам. Только в условиях послевоенной Западной Европы можно было осуществить подобный «наднациональный интеграционный эксперимент». Значимо, конечно, и то, что страх перед повторением войны соединился с желанием Германии восстановить хозяйство в рамках западного блока, что естественным образом облегчило интеграционный процесс¹⁴.

Kalergi R. Pan-Europa. Vienna: Pan-Europa Verlag, 1923; Zurcher A. The Struggle to Unite Europe, 1940–1958. New York: New York University Press, 1958; Stirk P. European Unity in Context: The Interwar Period. London: Pinter, 1989.

В межвоенный период была создана школа функционализма Митрани, объяснявшая преимущества региональной интеграции, основанной на разделении труда и общем рынке факторов производства и предвосхитившая принцип «переплескивания» интеграционного импульса, сформулированного позднее Э. Хаасом. Подробнее см. Параграф 1.2. гл. 1 настоящей работы. См. также: Origins of European Integration: March 1948–May 1950 / Raymond Poidevin (ed.). Brussels: Bruylant, 1986.

¹² Подробнее см.: *Ovendale R. Foreign Policy of the British Labour Government, 1945–1951.* London: Pinter, 1984.

¹³ Стрежнева М.В. ЕС и СНГ. 1999.

¹⁴ *Katzenstein P. Regional States: Japan in Asia, Germany in Europe.* Ithaca: Cornell University Press, 2003. P. 89–114.

Таким образом, исходными импульсами интеграции в Западной Европе были не экономические, а политико-психологические мотивы. Задачи хозяйственной реконструкции выступали изначально только маскировкой военно-политических страхов. Лишь со временем, по мере углубления взаимодействия и появления общих хозяйственных интересов, то есть с 1960-х годов, экономические стимулы встали вровень с военно-политическими, а потом и заслонили их.

В Восточной Азии инициативы, направленные на оформление регионального сотрудничества, выдвигались также после окончания Второй мировой войны в Азии. В 1958 г., вслед за провозглашением независимости Малайзии (1957), премьер-министр Малайзии Абдул Рахман выступил с идеей создания прообраза «общего рынка» среди только что деколонизовавшихся стран ЮВА, чтобы способствовать экономическому развитию их народов. В 1961 г. на ее основе поспешили провозгласить Ассоциацию Юго-Восточной Азии (АСА) между Таиландом, Филиппинами и Малайзией в целях «сотрудничества в экономической области, изучения средств стабилизации мировых цен на экспортируемое сельскохозяйственное и минеральное сырье»¹⁵. Однако из-за конфликта между Филиппинами и Малайзией вокруг провинции Сабах АСА так и не заработала. В ее создании проявилось стремление местных стран организовать сотрудничество на сугубо азиатской основе, без участия великих держав (США и Британии).

В 1967 году, в разгар войны во Вьетнаме, во многом наследуя идеям АСА, возникла Ассоциация Юго-Восточной Азии (АСЕАН). 8 августа министры иностранных дел Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда собрались в Бангкоке для подписания учреждающей ее декларации¹⁶. Документ был составлен на английском языке.

В качестве задач АСЕАН, согласно Бангкокской декларации, провозглашались: содействие «экономическому росту, социальному прогрессу и культурному развитию» путем налаживания более эффективного сотрудничества в «области сельского хозяйства и промышленности, расширения торговли, включая изучение проблем международной торговли отдельными товарами, улучшения транспортных и коммуникационных возможностей и повышения жизненного уровня своих народов», а также содействие региональному миру и стабильности¹⁷.

Между тем нет оснований переоценивать серьезность ожиданий стран АСЕАН от сотрудничества между собой, особенно в экономической области. Бангкокская декларация в значительной степени выглядела как заявка на будущее, набор долгосрочных ориентиров, нежели как конкретная программа многостороннего взаимодействия. Для полноформатного сотрудничества малые и средние страны Юго-Восточной Азии не имели достаточно финансовых, технико-материальных и организационных ресурсов. По замечанию А.Д. Богатурова, в тот период малые и средние страны региона сохраняли представление о ценности «самопомощи», то есть способности самостоятельно решать национальные задачи.¹⁸

В то же время, подписав Бангкокскую декларацию, страны АСЕАН сумели на рубеже 1960–1970-х годов политически обозначить географические пределы перспективного интеграционного взаимодействия. Иными словами, их усилия на базе Бангкокской декларации были на учредительном этапе направлены не столько на планомерное многостороннее сотрудничество в экономике, сколько на «коллективную самоизоляцию» от

¹⁷ См.: Bangkok Declaration // ASEAN Documents Series. 1967–1988. Jakarta : ASEAN Secretariat, 1988. P. 28–29.

¹⁸ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. М., 1997. С. 143.

¹⁵ ASEAN's inheritance: the regionalization of Southeast Asia, 1941–1961 // The Pacific Review. Vol. 14. No. 3. P. 313–338.

¹⁶ Bangkok Declaration. Bangkok, 8 August 1967. URL: <http://www.aseansec.org/1212.htm>.

негативных эффектов внешней региональной среды. Попросту говоря, страны АСЕАН все вместе старались устоять от попыток США вовлечь их в войну во Вьетнаме (1965–1973). О «расплавлении» границ между странами АСЕАН (как в ЕЭС) речь не шла. Необходимо было отстоять внешний контур отношений с другими странами.

Перед участниками АСЕАН стояли проблемы, типичные для всех постколониальных государств: неурегулированность территориальных претензий, сепаратизм, незрелость административной системы и связанная с ней слабость государственного аппарата. Парадоксальным образом общие проблемы благоприятствовали сближению, так как начать их решение лидеры стран — учредительниц АСЕАН сочли возможным на основе взаимного признания независимости и суверенитета и уважения принципа невмешательства во внутренние дела. Интеграция в Юго-Восточной Азии в первые годы функционирования АСЕАН была мотивирована взаимным согласием уважать государственность и самостоятельность ее участниц. Лидеры АСЕАН интуитивно ощущали, что наличие прочной *государственности* — базовая предпосылка к *межгосударственной* интеграции.

К сближению государства ЮВА стимулировала и общеполитическая атмосфера в регионе. Подобно западноевропейской, восточноазиатская интеграция подталкивалась «синдромом страха» — психологической реакцией на отрицательный опыт прошлого. Но если в Западной Европе это был страх повторения войны (прежде всего между Германией и ее западными соседями), то в Юго-Восточной Азии — на страх возвращения диктата внерегиональных «великих держав» налагалась боязнь разрушительной междоусобной розни (интеграция как форма гашения индонезийско-малайзийского противоборства).

В англоязычной литературе немало написано о роли США при создании АСЕАН. Вашингтон мог быть заинтересо-

ван в появлении сплоченного блока молодых независимых государств, служившего заслоном на пути распространения коммунизма¹⁹. Но сами местные страны видели ситуацию в ином ключе. Создание АСЕАН было нацелено прежде всего на дистанцирование от «великодержавной политики» вообще²⁰. Видный филиппинский дипломат и политик Карлос Ромуло писал в эти годы: «Мы не хотим быть втянутыми в споры между великими державами, и страны АСЕАН не должны быть лужайкой, на которой борются эти слоны»²¹. В тексте Бангкокской декларации об учреждении АСЕАН говорилось: «Страны — учредители АСЕАН преисполнены решимости обеспечить их стабильность и не допускать вмешательства в какой бы то ни было форме со стороны внешних держав»²². Похожую мысль отстаивает отечественный автор А.Д. Богатуров, утверждавший, что создание АСЕАН отражало, с одной стороны, компрометацию в Восточной Азии идеи стабилизации обстановки на базе привлечения внерегиональных держав, а с другой — растущую экономизацию мышления местных лидеров²³.

Страны АСЕАН, малые и средние государства региона, объединились с тем, чтобы избежать втягивания себя в отношения в великими державами. Стратегия «огораживания» от внешних влияний и воздействий в региональной политике

¹⁹ Sum N.L. The NICs and competing strategies for East Asian regionalism // Regionalism and World Order / A. Gamble and A. Payne (eds.). London: Macmillan, 1996; Yahuda M. The International Politics of the Asia-Pacific, 1945–1995. London: Routledge, 1996.

²⁰ Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО, 2007. С. 21–23.

²¹ Regionalism in Southeast Asia. Jakarta. 1974. P. 149.

²² Bangkok Declaration. Bangkok, 8 August 1967. URK: <http://www.aseansec.org/1629.htm>. См. также: Trilateralism in Asia: Problems and Prospects in US-Japan-ASEAN. Princeton, 1986. P. 63.

²³ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. М., 1997. С. 158.

АСЕАН отчетливо контрастирует со стратегией встраивания в геополитическое пространство Запада в случае с западно-европейским сообществом.

Таким образом, на учредительном этапе интеграция в АСЕАН была мотивирована идеями самостоятельности и развития, которые для стран Юго-Восточной Азии означали прежде всего невмешательство великих держав. Существен был и идеологический компонент в деятельности АСЕАН: *антикоммунизм*, который в ряде стран фактически истолковывался как сильные этноцентристские, *антикитайские настроения*, и *антиимпериализм*, а также *доктрина неприсоединения*, которую в восточноазиатском контексте перекодировали в принцип нейтралитета, фактически представлявшего собой форму группового азиатского национализма. (Формально с Движением неприсоединения идентифицировали себя только три страны — Индонезия, Малайзия и Сингапур.)

Специфика западноевропейской интеграции состоит в том, что Сообщества исходно конституировали себя как интеграционные объединения. АСЕАН сразу старался позиционировать себя как ассоциация многопрофильного сотрудничества на базе солидарности культурно и этнически близких стран. Важно понимать, что интеграция для ЕС была его *«raison d'être»*, а для АСЕАН, при всей ее нарастающей важности, интеграционные цели всегда были только одним, пусть и важным, компонентом спектра деятельности группировки.

В самом деле, экономический приоритет был сформулирован в Бангкокской декларации одним из первых, но фактически экономические мотивы в деятельности АСЕАН были доведены до уровня конкретных решений и преобразованы в практические действия довольно поздно — в конце 1980-х — начале 1990-х годов. На учредительном этапе их потеснили соображения безопасности, которые для стран Юго-Восточной Азии означали

прежде всего невмешательство великих держав (антиимпериализм) и самоизоляцию от войны во Вьетнаме.

Опыт ЕС все же существен. 2 июня 2009 г., приветствуя вступление в силу Устава АСЕАН, участники саммита выразил пожелание, что «принятие Устава станет вехой на пути превращения Ассоциации в структуру есовского типа»²⁴ (EU-style community). Практика, пусть вербальная, отыскивать сходства между АСЕАН и ЕС, даже когда на деле каждая из двух группировок проходит по совершенно особым, мало пересекающимся, по форме и этапности движения, траекториям, не исчезла. По всей видимости, Европейские Союз служит для стран АСЕАН своего рода *«вдохновляющим примером»*, *не вызывающим, однако, стремления уподобиться ему*²⁵. Необходимо разграничить восприятие ЕС как нормативное предписание действия (pattern of action) и комплекс мотиваций, допускающий выбор собственной конкретно обусловленной парадигмы действия (aspirational model). В случае в Восточной Азии — правильной последнее.

3

Достижения западноевропейской интеграция беспрецедентны. Тем не менее к концу 2000-х годов обоснованность оценок межгосударственных процессов в Восточной Азии как процессов действительно интеграционных также не вызывает сомнений. *Во-первых*, важным аспектом интеграционных усилий является координация политики в ряде областей взаимодействия — торговой, транспортной, финансовой, отчасти экологической. Нельзя говорить о проведении «общих политик», как в Евросоюзе. В то же время в некоторых сферах парадигма коллектив-

²⁴ Joint Statement of the ASEAN-Republic of Korea Commemorative Summit Jeju Island, Republic of Korea, 2 June 2009.

²⁵ Подробнее об этом см. *Searight A.* East Asian Regionalism Today//International Affairs Review. 2006. № 3.

ного согласованного действия начинает преобладать над разрозненными индивидуальными шагами отдельных государств. Так, АСЕАН выступает консолидированным игроком на торгово-экономических (ВТО) или международно-политических переговорах (в отношениях с ЕС, США, Россией, Индией и т.д.), сначала вырабатывая свою позицию между собой, а затем оглашая ее в качестве коллективной переговорной платформы.

Во-вторых, страны региона добиваются сближения своих экономик через гармонизацию технических требований и введение единых правил происхождения товаров. Хотя они и пробуют достичь этого без движения к наднациональности. Для реализации цели сближения страны региона осуществляют меры безусловно интеграционного характера, предусматривающие либерализацию экономического пространства, включая облегчение режима обмена товарами, услугами, капиталом и рабочей силой. В принятой в 2007 г. в Сингапуре «Дорожной карте по созданию Экономического сообщества АСЕАН» была сформулирована среднесрочная цель построения к 2015 г. «единого рынка и единой производственной базы в масштабе Восточноазиатского региона». Речь при этом, разумеется, идет не о сплошной либерализации, как в ЕС. Страны региона движутся по пути более избирательного сращивания, учитывающего степень зрелости экономик и конкретных отраслей отдельных стран-членов.

В-третьих, после азиатского кризиса 1997–1998 годов к координации политик добавился новый мощный инструмент интеграции — создание общих «пулов» ресурсов с общим же управлением, которое наиболее ярко проявилось в действиях по защите финансовых систем стран региона от валютных колебаний, когда страны форума «АСЕАН плюс Три» фактически сформировали единый резервуар средств для стабилизации колебаний курсов национальных валют. В этом же русле

находятся меры по созданию общего рынка облигаций среди стран АПТ.

В-четвертых, в странах региона сложилось понимание «свой» — «чужой», закреплённое взаимными правами и привилегиями, которые не распространяются на внегрупповых партнеров. Так, говоря о предпосылках полноценного Сообщества АСЕАН, стороны отметили важность «осознания преимуществ региональной интеграции на базе уже существующих проектов как между собой, так и с партнерами, и шагов по созданию регионального сообщества, стремящегося к общей идентичности»²⁶.

В Восточной Азии фиксируется рост транснациональных социальных движений, формирование общей популярной культуры (на основе японской и южнокорейской), что способствует чувству принадлежности к региону²⁷. Правда, в той региональной идентичности, о которой можно говорить сегодня в Восточноазиатском регионе, отчетливо преобладает ее макроазиатская (а не восточноазиатская) составляющая.

На граждан стран АСЕАН, Китая или Южной Кореи, конечно, ощущают себя жителями тихоокеанских стран. Но мощнее на них воздействует знание о принадлежности к «угнетавшейся Азии» и непринадлежности к «угнетавшей Европе»²⁸.

В-пятых, на протяжении последних пятнадцати лет в регионе шло оформление многостороннего механизма выра-

²⁶ Declaration of ASEAN Concord II. 7 October 2003. Bali, Indonesia. Art. 7. URL: <http://www.aseansec.org/15159.htm>.

²⁷ Deutsch K.W. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundation of Nationality. Cambridge, MA: MIT Press, 1966; Deutsch K.W. Political Community and the North Atlantic Area. International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1957; Pempel T.J. Conclusion: tentativeness and tensions in the construction of an Asian region // Remapping East Asia: The Construction of a Region. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005.

²⁸ Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia: Politics, Security, Economic Development. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 10.

ботки общих действий в сфере безопасности — Регионального форума АСЕАН, участники которого говорят о возможности «гармонизации позиций»²⁹. Не случайно с конца 1990-х годов официальные лица стран АСЕАН и АПТ стали регулярно характеризовать сотрудничество между собой словом «интеграция». В Ханойском плане действий АСЕАН 1998 г. стороны декларировали намерение «продолжить усилия по ускорению взаимовыгодной интеграции образующих ее стран и народов ради содействия миру, стабильности, и благосостоянию в регионе»³⁰.

4

Эволюция западноевропейской интеграции в целом отличалась однонаправленностью. Это был относительно устойчивый тренд на поглощение «ядром» сопредельных зон европейской культурно-исторической периферии. В то же время на отдельных отрезках развития модель расширения сферы западноевропейской интеграции не имела характера поступательного развития, отличалась чередованием «рывков» и «отступлений», периодов «забегания вперед» и откатов адаптации. «Интеграционное ядро», а вместе с ним и вся интеграционная система в зарубежной Европе, функционирует в неравномерно пульсирующем ритме, который определялся как внутривнутриполитическими и внутривнутрирегиональными факторами, так и состоянием окружающей международной среды. Применительно к зарубежной Европе это означает: возможность существования в западноевропейском интеграционном пространстве нескольких конкурирующих «инициативных ядер» (ЕЭС и ЕАСТ, «план Плевена» и «план Шумана»); появление внутри группы интегрирующихся стран разных полюсов политических и экономических

тяготений («старая» и «новая» Европа); допустимость существования внешних сфер преференциальных связей между странами не входящими в Европейский Союз и отдельными странами «интеграционного ядра»; возможность разной степени участия тех или иных стран в реализации интеграционных целей (вплоть до полного отказа), в зависимости от меры их готовности; способность ядра вовлекать внешних партнеров в поле интеграционных взаимодействий с ЕС и без предоставления полноправного членства.

В Восточной Азии расширение ареала интеграции имеет разнонаправленный характер, а алгоритм распространения интеграционного ареала имел сбивтый ритм. Важной особенностью было также и то, что в этом регионе инициативы объединительного характера не противостояли друг другу фронтально. Они налагались одна на другую, встраиваясь в уже сложившиеся форматы. В основе объединительных тенденций в экономике АТР — «интеграционное ядро» государств АСЕАН. Остальные региональные протоинтеграционные проекты представляют собой по сути дела только внешние «оболочки» этого ядра.

Сначала, к концу 1960-х годов, возник очаг субрегиональной интеграции АСЕАН. Сразу после создания, в 1967 г., АСЕАН пережил первый серьезный откат в развитии, длившийся по 1976 г.: все были уверены, что в условиях войны США во Вьетнаме американцы попытаются вмешаться в региональные интеграционные процессы, подчинив задачам противостояния с коммунизмом. Страны АСЕАН никогда не разделяли при этом в полной мере американские оценки обстановки во Вьетнаме. Они были убеждены, что, объединившись, Вьетнам рано или поздно переориентируется на ценности национального развития и вернется к своим «азиатским истокам». Вот почему внимание к ситуации в Восточном Индокитае, оказавшемся в годы bipolarности сколом глобальных политико-идеологических противоречий и ареной вооружен-

²⁹ Singapore Declaration on the 15th ASEAN Regional Forum Singapore, 24 July 2008. URL: <http://www.aseansec.org/21822.htm>.

³⁰ The Ha Noi Plan of Action. 1998. URL: <http://www.aseansec.org/145.htm>.

ной борьбы с вовлечением сверхдержав и крупных держав региона (КНР), никогда не ослабевало. В контексте американской интервенции во Вьетнаме АСЕАН опасался, что включение в круг охватываемых ассоциацией вопросов сложных проблем этих стран нанесет урон неокрепшей ассоциации. Надо отметить, что представители Южного Вьетнама (до 1971 г.), королевского Лаоса и Камбоджи при Лон Ноле (1970–1975) в качестве наблюдателей участвовали в работе министерских конференций АСЕАН и не раз обращались с просьбами о членстве. Однако члены ассоциации не были заинтересованы втягивать в АСЕАН раздираемые гражданскими войнами Камбоджу и Южный Вьетнам, хотя и стремились «держать руку на пульсе индокитайской проблемы»³¹. Поэтому попытки влиять на ситуацию в Восточном Индокитае не прекращались³².

Спустя год после завершения войны во Вьетнаме и его объединения в 1975 г. страны АСЕАН, собравшиеся на саммит в Индонезии, подтвердили, что никогда не закрывали для Вьетнама путь в АСЕАН, сожалея о том, что ЮВА оказалась разделенной на страны капиталистического и социалистического выбора³³.

³¹ Самойленко В.В. АСЕАН: политика и экономика. М., 1982.

³² Первая попытка активного вмешательства АСЕАН в обстановку в Восточном Индокитае связана с событиями весны 1970 г., когда в результате военного переворота власть в Камбодже перешла в руки военного правительства генерала Лон Нола и в страну вошли американские войска. Министр иностранных дел А. Малик после консультаций с коллегами по АСЕАН инициировал международную конференцию по Камбодже с участием представителей Южной Кореи, Японии, Южного Вьетнама, Австралии, Новой Зеландии и самой Камбоджи для «обеспечения защиты, независимости, целостности и нейтралитета Камбоджи» (май 1970). Решения конференции носили декларативный характер. Главным, однако, было то, что сам факт ее проведения говорил о заинтересованности АСЕАН судьбой Индокитая. См.: Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО, 2007. С. 34.

³³ Declaration of ASEAN Concord. Bali, 24 February 1976. URL: <http://www.aseansec.org/1216.htm>.

Вскоре АСЕАН пережила первый относительно формальный цикл расширения. Он состоялся в 1984 г. и был связан с обретением независимости Брунеем, который пожелал немедленно вступить в Ассоциацию.

Окончание «холодной войны», распад СССР, исчезновение «двудержавного регулирования», либерализация внутривьетнамской и внутрилаосской ситуации, идущих в направлении глубоких рыночных реформ, и постепенная нормализация «камбоджийской проблемы»³⁴ оживили никогда не исчезавшие надежды на возможность вовлечения в орбиту преференциальных отношений стран Восточного Индокитая. Открылось пространство для экспансии интеграционного ядра. На глобальном уровне этому способствовала активизация процессов интеграции в других частях мира (Западно-Центральная Европа и Северная и Южная Америки)³⁵, на региональном — заметно выросшее экономическое могущество стран АСЕАН, превратившихся в новые индустриальные страны «второго эшелона».

Началась осторожная работа по привлечению Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Мьянмы в ряды АСЕАН. Важно при этом указать на особенности парадигмы роста АСЕАН, сближающие ее с моделью Евросоюза, в том, что касается их подхода к по-

³⁴ Урегулирование камбоджийской проблемы имело поэтапный и многоаспектный характер. (1) 23 октября 1991 г. на Международной конференции по Камбодже в Париже были подписаны Соглашение о всеобъемлющем политическом урегулировании камбоджийского конфликта, Соглашение, касающееся суверенитета, независимости, территориальной целостности и неприкосновенности, нейтралитета и национального единства, а также Декларация о восстановлении и реконструкции. (2) В июне 1992 г. в Токио была организована международная конференция по восстановлению Камбоджи. (3) В мае 1993 г. под международным наблюдением и контролем ООН в Камбодже были проведены многопартийные выборы в Конституционное собрание.

³⁵ Nesadurai H. Globalisation, Domestic Politics and Regionalism: The ASEAN Free Trade Area. London: Routledge, 2003.

тениальному членству. Лидеры АСЕАН всегда осознавали, что без восточного субрегионального фрагмента интеграция их стран, в том числе экономическая, будет неполной. Даже в разгар холодной войны страны АСЕАН были деидеологизированы в той степени, в которой они допускали, что страны Восточного Индокитая со временем могут оказаться частью интеграционной системы АСЕАН. Сходным образом вел себя ЕЭС по отношению к Испании, Португалии, Греции, когда в них у власти находились диктаторские режимы, и Восточной Германии в годы коммунизма³⁶.

В 1995 г. членом ассоциации стал объединившийся в 1975 г. Вьетнам, в 1997 г. Мьянма и Лаос. В 1999 г., с включением Камбоджи, АСЕАН вобрала в себя все государства Юго-Восточной Азии, оправдав тем самым свое название.

С точки зрения субъектов интеграционных взаимодействий в Восточной Азии сложилась пестрая картина региональной интеграции. В этой части мира действуют три в разной степени консолидированных очага интеграции. *Первый* представлен Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), объединяющей все страны ЮВА, за исключением Восточного Тимора³⁷, и производным от него механизмом сотрудничества «АСЕАН плюс Три» (АПТ) с участием Китая, Южной Кореи и Японии. Как и в случае с зарубежной Европой, и в случае с Восточной Азией ядро интеграции выкристаллизовалось там, где в наибольшей мере действовал фактор географической близости³⁸.

АПТ появился во время Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. как инструмент коллективной защиты экономик региона от валютно-финансовых катаклизмов в будущем. Важно, что АПТ не является организацией в полном смысле слова. Эта структура функционирует при АСЕАН, выступая ее специализированным органом финансовой координации. «Внешние» участники АПТ — Китай, Южная Корея и Япония — постепенно движутся к ассоциированному членству в АСЕАН.

Хотя внутри образуемого ими интеграционного комплекса процессы сближения протекают неравномерно, АПТ совместно с АСЕАН воплощает основное многостороннее организационное и экономическое ядро восточноазиатской интеграции. Наблюдаемая между составляющими этого ядра асинхронность в темпах и интенсивности сближения до некоторой степени напоминает ту, которая характерна для ЕС, где есть более интегрированные «старые» и менее интегрированные «новые» члены.

Второй очаг восточноазиатской интеграции представлен японо-американский интеграционным комплексом, «закамуфлированным» под военно-политический союз. За истекшие полвека он превратился в систему интенсивных военно-политических, инвестиционных и интеллектуальных взаимодействий, вполне отвечающих строгим критериям интеграции. Как и в случае Франции и Германии, он вырос из опыта вооруженной конфронтации Второй мировой войны.

В конце 1980-х годов оба этих комплекса оказались внутри обрамляющей их трансрегиональной группировки АТЭС — организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, включающей 21 страну и территорию, омываемую Тихим океаном — как в Восточной Азии, так и в Северной и Южной Америках и Океании и также декларировавшей о своей интеграционной природе. Это фактически *третий* очаг интеграции, внутри которого оказались два более консолиди-

³⁶ Как указывает В. Барановский, Восточная Германия (ГДР) была изначально включена в систему торговых преференций, предусматриваемых Римским договором 1957 г. и, более того, пользовалась ими. См.: Барановский В. Г. Европейское сообщество в системе международных отношений / ред. В. И. Гантман. М.: Наука, 1986.

³⁷ Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.

³⁸ Самойленко В. В. АСЕАН: политика и экономика. М., 1982.

рованных интеграционных ядра. Отношения в рамках слабо консолидированного ядра АТЭС начинают напоминать, скорее, связи сетевого типа, назначение которых состоит в смягчении наметившейся между ними конкуренции.

АТЭС ставила выгодную в первую очередь неазиатским странам (США и Австралии) и в меньшей степени Японии задачу удержать интеграцию в АСЕАН в более открытом режиме, обеспечив в ней присутствие «белых стран». Аналитически АТЭС очерчивает максимально широкий географический предел восточноазиатской интеграции³⁹. Согласно Богорской декларации, принятой на втором саммите АТЭС в Индонезии в ноябре 1994 г., была выдвинута цель создания зоны свободной торговли сначала для развитых государств-членов в 2010 г. и для развивающихся — к 2020⁴⁰. Сегодня собственно интеграционная компонента в деятельности АТЭС представлена в меньшей степени. АТЭС действует преимущественно как механизм консультаций стран Тихоокеанского бассейна, обсуждающих наиболее важные проблемы экономического развития, а в 2000-х годах — и безопасности.

Хотя согласно документам и накопленной информации об опыте интеграционного взаимодействия в регионе реальное сближение происходит в рамках АСЕАН и АПТ, к числу интеграционных в литературе относят и проект «Восточноазиатского сообщества» (ВАС)⁴¹. Важно иметь в виду, что страны АСЕАН и три ее привилегированных партнера не разделяют эту точку зрения.

«Восточноазиатский процесс», инициированный в декабре 2005 г. на самми-

те АПТ в Куала-Лумпуре, и представляющий собой серию регулярных встреч на высшем уровне представителей тринадцати стран АПТ, а также Австралии, Индии и Новой Зеландии, был призван в какой-то мере составить конкуренцию деятельности форума АТЭС. Форум АТЭС был еще шире, чем ВАС. Его внешняя привлекательность исходно определялась его грандиозностью. Однако отсюда происходили и его слабости. Прагматически ориентированные страны АСЕАН продолжали испытывать большой скепсис по отношению к АТЭС, но не к организации в целом, а к ее интеграционному потенциалу. При этом сама АТЭС неизменно декларировала свою интеграционную природу. Желая нейтрализовать такого рода конкуренцию, страны АСЕАН высказались за организацию ВАС, менее грандиозного, чем АТЭС, хотя и недостаточно реалистичного с точки зрения перспектив сближения входящих в него экономик.

Начиная с периода кризиса 1997–1998 годов, страны — учредители АСЕАН встали на позиции избирательного допуска к интеграционным процессам неазиатских стран. К числу таких «избранных» были допущены те неазиатские страны (Австралия и Новая Зеландия), которые плотно встроились за минувшие десятилетия в экономические связи с близлежащими странами Азии. Они и были представлены на первом саммите ВАС.

Однако эти две страны и Индия не являются участниками ни одного из главных проектов АСЕАН, и планов такого рода в столицах АСЕАН пока не имеется. В декларации Восточноазиатского саммита 2005 г. подчеркивалось, что основой строительства сообщества будут только участники формата АПТ. Поэтому речь может идти только о потенциале интеграционной активности в рамках ВАС, который должен рассматриваться в качестве резерва географического роста АСЕАН в будущем.

Таким образом, сегодня интеграционное начало в регионе наиболее ярко

³⁹ Михеев В. В. Глобализация и азиатский регионализм. Вызовы для России. М., 2001

⁴⁰ The Bogor Declaration. Bogor, Indonesia. 15 November 1994. URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/1994.html.

⁴¹ Федотов В. П. Становление и развитие Восточноазиатского сообщества как интеграционного объединения в АТР // Аналитические обзоры РИСИ. 2007. № 1 (10).

представлено в многостороннем варианте АСЕАН и производными от него АПТ, а также на двустороннем уровне — американо-японским комплексом взаимодействий. Что касается АТЭС, то, хотя он теоретически представляет собой альтернативный интеграционный процесс, фактически в этом качестве не работает, а является в лучшем случае многосторонней консультативной площадкой для развития регионального общения и сотрудничества, но на традиционной неинтеграционной основе.

Модель расширения сферы восточноазиатской интеграции в 1990-х — 2000-х годах уместно представить как конкуренцию двух тенденций — азиатской, представленной АСЕАН и производными от него форматами, и тихоокеанской, воплощенной в форуме АТЭС. Первая олицетворяет идею более медленного, избирательного и ограниченного сближения преимущественно на азиатской основе. Вторая — широкой интеграции с теоретически не ограниченным участием неазиатских стран. Эти процессы внешне напоминают то, как в Западной Европе в 1950-1970-х годах боролись между собой идеи континентальной и евроатлантической интеграции.

При этом идея «азиатизма», то есть доктрины, постулирующей необходимость развивать «строго региональную» группировку без участия или вмешательства западных стран, оставалась вдохновляющей идеей восточноазиатской интеграции с момента возникновения первых интеграционных проектов в 1960-х годах.

Важно, что в Восточной Азии, как и в ЕС, процесс сближения идет с «переменной» скоростью. Интеграционный процесс в восточноазиатском варианте, в отличие от западноевропейского, отличается медлительностью, осмотрительностью. Спады интеграционной активности в силу исходно низкой скорости интеграционного движения не кажутся кризисами. В Восточной Азии интеграционное сближение происходит в большем соот-

ветствии с местной конкретикой — мерой готовности или неготовности местных стран сближаться друг с другом, не конфликтуя. Очевидно, что скорость интеграции в АТР строго соизмеряется с ритмами восточноазиатской истории *точно так же*, как Евросоюз развивался темпами, которые ему задавал общий ход истории послевоенной Европы.

С точки зрения структуры интеграционного поля восточноазиатский регионализм представляет собой подобие системы концентрических кругов. Внутренний круг образует первоначальная пятерка АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд), второй круг — АСЕАН «в формате десяти» (в дополнение к перечисленным — Бруней, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам), третий круг — «АСЕАН+3» (Китай, Южная Корея, Япония). Внешний круг образует консультативная система Восточноазиатского саммита, целью которого является подготовка почвы для создания Восточноазиатского сообщества в составе АСЕАН+3, а также Австралии, Индии и Новой Зеландии. Фактически в организационном отношении, а также в немалой мере и политически, страны АСЕАН сегодня играют в регионе роль, приблизительно сходную с той, которую играло ЕЭС в Западной Европе с середины 1960-х годов. При этом инициатива АТЭС, на которую в 1990-х годах в свете глобальной либерализации торговли и внимания к концепции открытого регионализма возлагали особые надежды, фактически исчерпал свой изначальный интеграционный потенциал. Интеграция после непродолжительного зигзага в сторону экстенсивного расширения вновь вернулась в региональное русло формата «АСЕАН плюс Три».

5

В экономическом смысле современный Европейский Союз представляет собой неравномерно интегрированный комплекс, в котором анклавы с высоким уровнем сращивания (общая сель-

скохозяйственная, рыболовная политика), гармонизации (макроэкономическая политика в границах всего ЕС) и централизации принятия решений (страны «еврозоны») соседствуют с секторами низкой степени интегрированности (национально-специфические, ремесленные производства) и даже с теми, где возможен эффект дезинтеграции (социальная политика, налоговое законодательство). Асимметричность интеграции была связана как с периодическими этапами расширения, углублявшими внутреннюю неоднородность ЕС, так и с цикличностью мировой конъюнктуры. В период спадов степень конвергенции стран снижалась, а региональные диспропорции возрастали.

Главной тенденцией экономической интеграции в ЕС является переход от поверхностной интеграции к глубокой, от секторальной — к комплексной и от «негативной» — к «позитивной». Принцип постепенности западноевропейской интеграции к настоящему времени принял вид следующей схемы: от таможенного союза и общего рынка товаров — к единому внутреннему рынку со свободным движением товаров, услуг, капиталов и лиц — затем к экономическому и валютному союзу. Феноменологическую уникальность экономической интеграции в ЕС придает ориентация на *общие* структуры, *общие* политики, *общее* правовое пространство. В этом ее отличие от философии свободной торговли, которой проникнуты учредительные парадигмы некоторых других интеграционных групп (НАФТА, ЕАСТ, АТЭС). С точки зрения создателей ЕЭС, единый хозяйственный комплекс остается неполным без синхронизации внутриэкономической политики стран-членов. Исходные фазы интегрирования национальных экономик (зона свободной торговли и таможенный союз) — только первые шаги на пути к более глубокой конвергенции хозяйств, где даже общий рынок предстает лишь промежуточным звеном. *Установка на тотальное, квазигосударственное интегрирование,*

при котором экономики государств-членов начинают сопрягаться подобно внутригосударственным регионам, остается базовым элементом экономической интеграции в ЕС.

В Восточной Азии опыт реальной, «низовой» интеграции на уровне отдельных фирм и корпораций как в рамках отраслей, так и в процессе создания сложных готовых изделий опережал сближение на межгосударственном уровне, предполагающем институционализацию интеграционных взаимодействий.

Наиболее заметный период роста внутрирегиональной торговли отмечен в 1980-х годах⁴², достигнув к концу 2000 годов 55% от общего торгового оборота⁴³. С 1980-х годов к факторам «низовой», «неофициальной» экономической интеграции добавилось развитие международных производителей сетей (МПС) в электронике, станкостроении, автомобилестроении и информационно-коммуникационных технологиях. В конце 2000-х годов на торговлю компонентами готовых изделий данных отраслей приходится большая часть межстрановой торговли в Восточной Азии⁴⁴. В ряде стран АСЕАН речь идет об абсолютном преобладании торговли компонентами в общей структуре коммерческих связей. Для Малайзии, Филиппин и Сингапура этот показатель превышает 50%, для Таиланда — 35%⁴⁵. (В Китае и Вьетнаме этот показатель сравнительно низок (18 и 9% соответственно),

⁴² Das D.K. Structured regionalism in the Asia-Pacific: slow but sure progress // *Asia Pacific Viewpoint*. Vol. 45. No. 2. P. 217–233.

⁴³ В том же году аналогичный показатель для НАФТА равнялся 43%, а для ЕС — 65%. См.: Christopher M. Dent. *East Asian Regionalism*. London and New York : Routledge, 2008. P. 43.

⁴⁴ В 2003 г. объем торговли деталями сложного оборудования на принципах внутриотраслевой специализации и кооперирования составил 140 млрд долл. США. Christopher M. Dent. *East Asian Regionalism*. London and New York : Routledge, 2008. P. 44.

⁴⁵ *International Production Networks in Asia: Rivalry or Riches?* / Borrus M., Ernst D. and Haggard S. (eds.). London : Routledge, 2000.

однако растет быстрыми темпами.) Восточная Азия зависит от торговли компонентами готовых товаров гораздо больше, чем другие очаги интеграции⁴⁶, что свидетельствует о более глубоком ее вовлечении в межотраслевую интеграцию на межстрановой основе.

В литературе много написано о «функциональной интеграции» в Восточной Азии, под которой понимается сращивания систем поставок, производства и распределения на основе внутри- (реже меж-) фирменного разделения труда (функций) в рамках единого технологического процесса. Исходно (в 1980-х годах) необходимость функционально интегрированных производств преследовала цели повышения или сохранения рентабельности в силу различия в стоимости факторов производства в разных странах⁴⁷. Однако со временем инвесторы стали ориентироваться не столько на учет издержек, сколько на качество ресурсов — квалификацию персонала, управленческие навыки, техническую вооруженность, транспортную и иную логистическую инфраструктуру. Принимая во внимание запросы инвесторов, страны в конце 1980-х годов стали конкурировать за капиталовложения, повышая качество требуемых условий производства. Эти соображения легли в основу экономической политики большинства стран Юго-Восточной Азии. Помимо соображений рентабельности и качества ресурсов, к созданию МПС крупные компании толкают важное с точки зрения современной экономической системы понятие распределения (и минимизации) корпоративного риска. Этим объясняется частое дубли-

рования функций разных элементов сети или каналов снабжения и сбыта. Фактически отдельные сегменты сети способны функционировать в автономном режиме в случае выхода из строя ее отдельных звеньев (вследствие разнообразных политических рисков), обеспечивая стабильный приток прибыли.

С конца 1990-х годов Восточная Азия вышла на лидирующие позиции среди регионов мира с точки зрения концентрации международных производственных сетей⁴⁸. Инициатором этой модели международного разделения труда в Восточной Азии была Япония, которая в 1960-х годах стала проводить инвестиционную экспансию в регионе — сначала в Южной Корее и на Тайване, а затем в странах АСЕАН. Эта стратегия сопровождалась перенесением в развивающиеся страны трудоемких производств (текстильная промышленность и базовая электроника)⁴⁹. К середине 1970-х годов на японские компании приходилось 70% прямых иностранных инвестиций в Южной Корее, за счет которых создавалась четверть национального валового продукта. На японские компании приходилась около половины тайваньского экспорта⁵⁰. Оккупировав Сингапур, Южная Корея, Тайвань и Гонконг (азиатские тигры первой волны) сами стали проводить активную политику инвестирования в регионе, раскрутив таким образом механизм мультипликации экономического роста, ранее запущенный Японией.

Страны региона продвинулись далеко вперед в развитии новых средств связи. По данным статистико-аналитического агентства «Телегеография», с 2000 по

⁴⁶ В 2000 г. для Восточной Азии — 32% в экспорте и 35% в импорте, для НАФТА — 28% и для ЕС 22% и 20% соответственно. См.: Major Trade Trends in East Asia. Policy Research Working Paper 3084. Washington : World Bank, 2003.

⁴⁷ Giroud A. Foreign direct investment and the rise of cross-border production networks in Southeast Asia / The Future of Foreign Investment in Southeast Asia / N.J. Freeman and F.L. Bartels (eds.). London : Routledge, 2004.

⁴⁸ Henderson J., Dicken P., Hess M., Coe N. and Yeung H.W.C. Global production networks and the analysis of economic development // Review of International Political Economy. Vol. 9. 2002. No. 3. P. 436–464.

⁴⁹ Tachiki D. Between foreign direct investment and regionalism: the role of Japanese production networks // Remapping East Asia: The Construction of a Region / T.J. Pempel (ed.). Ithaca, NY : Cornell University Press, 2005.

⁵⁰ Ibid.

2005 г. объем телефонного «трафика» между жителями региона удвоился, а между отдельными странами даже утроился. Эта тенденция особенно характерна для пар: материковый Китай — ОАР Гонконг, КНР — Тайвань, Япония — Филиппины, Малайзия — Сингапур, Гонконг — Индонезия и Индонезия — Тайвань. За наблюдаемый период был зафиксирован перевес внутрорегиональных коммуникаций над коммуникациями с внерегиональными абонентами, причем данный разрыв тяготеет к увеличению⁵¹.

Другими словами, переплетение экономик, идущее снизу вверх под действием частнопредпринимательской инициативы и развертывающееся в форме интернационализации производственного капитала, в Восточной Азии предшествовало формальной интеграции с присущими ее регламентирующими институтами, и стимулировало ее.

Во многом как реакция на опыт низовой интеграции, который «следовало» подкрепить межправительственными соглашениями, на третьем саммите АСЕАН в Маниле в 1987 г. был принят пятилетний план доведения торговых преференций до 90% внутрорегиональной торговли⁵².

С 2003 г. начала функционировать зона свободной торговли АСЕАН. По состоянию на конец 2009 г. средневзвешенный тариф в рамках АСЕАН составляет менее 3%. В момент подписания Соглашения по общему преференциальному тарифу он достигал 14%⁵³.

Таким образом, к началу XXI века был в основном осуществлен проект зоны свободной торговли товаров АСЕАН. Она стала функционировать в полном объеме в отношении 6 стран с общей численностью населения 415 млн. человек, и частично в отношении стран, которые долж-

ны окончательно влиться в ЗСТ в 2012 г. (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма). К 2006 г. государства АСЕАН-6 снизили тарифы по 99,5% товарных позиций до требуемого диапазона (0–5%), а АСЕАН в составе всех 10 членов (АСЕАН-10) — по 90% товарных позиций⁵⁴. Совокупный ВВП стран — участниц АЗСТ составил 2 трлн. 800 млн долларов США. Создав ЗСТ между собой, члены АСЕАН в еще большей степени укрепили свои позиции ядра восточноазиатского экономического сближения, индуцируя интеграционные тенденции вокруг себя.

Значимым направлением интеграции в АСЕАН служила Инициатива интеграции в АСЕАН (ИИА), выдвинутая в ноябре 2000 года. Ее целью было сгладить асимметрии в уровне жизни между разными странами АСЕАН и между регионами внутри стран. В отличие от других инициатив, сопровождавших реализацию проекта Зоны свободной торговли АСЕАН (как, например, Инвестиционная зона АСЕАН или Механизм промышленного сотрудничества стран АСЕАН), от которых выигрывали в основном исходно более развитые государства, ИИА была нацелена на преодоление разрыва, углублявшегося в процессе либерализации асеановского экономического пространства. Концепция ИИА создавалась по аналогии с идеей «сплочения» ЕЭС и по форме реализации отдаленно напоминает систему выравнивания региональных диспропорций, организованную вокруг Структурных фондов Европейского Союза.

Однако если в ЕС структурные фонды наполняются из бюджета Союза, складывающегося из взносов государств-членов и собственных средств ЕС, то в АСЕАН инициатива интеграции в АСЕАН подкрепляется целевыми взносами шестерки АСЕАН (63%) и 11 стран-партнеров по диалогу с АСЕАН⁵⁵. Общая сумма

⁵¹ URL: www.telegeography.com

⁵² См.: Bowles P. ASEAN, AFTA, and the new regionalism // Pacific Affairs. Vol. 70. No. 2. 1997. P. 219–233.

⁵³ Источник: ASEAN Secretariat official website. The ASEAN Free Trade Area Update. URL: <http://www.aseansec.org/7665.htm>.

⁵⁴ URL: www.aseansec.org/13100

⁵⁵ 85% фондирования из внешних (внерегиональных) источников приходится на Южную Корею, Японию, Индию, Норвегию и ЕС.

фондирования по состоянию на 2008 г. — 45,1 млн долларов. К сентябрю 2006 г., в соответствии с рабочим планом, одобренным в 2002 г., инициировано 132 проекта, находящихся на разных стадиях готовности, из них 19 направлены на развития инфраструктуры (11 — транспортной, а 8 — в сфере энергетики), 48 связаны с улучшением качества кадрового потенциала отстающих стран⁵⁶. *Растущее желание внешних стран инвестировать в ускорение интеграционного процесса в ЮВА может восприниматься свидетельством его перспективности.*

Успех в деле запуска ЗСТ позволил повысить планку интеграционных задач. Для оценки результатов и перспектив интеграции в ЮВА была создана Восточноазиатская группа планирования (своеобразный аналог комиссии Спаака в середине 1950-х годов в Западной Европе), которая в 2001 г. представила подробный план перехода к объединению отдельных направлений интеграционной деятельности (ЗСТ, сфера услуг, зона инвестиций) в единый интеграционный комплекс в форме Экономического сообщества АСЕАН (АЭС), предпосылки которого были сформулированы в Ханойском плане действий 1998 г.⁵⁷ При формировании АЭС страны АСЕАН должны иметь в виду решение двух неразрывно связанных друг с другом задач: уменьшение разрыва в развитии в субрегионе (укрепляя тем самым потенциал ИИА) и дальнейшее углубление региональной экономической интеграции⁵⁸. Экономическое сообщество предполагало наличие единого рынка со свободным перетоком товаров, услуг, людей и капи-

талов во всей Юго-Восточной Азии с целью «превращения АСЕАН в стабильный, процветающий и конкурентоспособный экономический регион», основанный на целях «справедливого экономического развития, борьбы с бедностью и устранения социально-экономического неравенства»⁵⁹.

В рамках Экономического союза АСЕАН предполагается расширение сферы действия зоны свободной торговли товарами через увеличение списка товаров, подлежащих либерализации, и сокращение числа изъятий и дополнение ее за счет либерализации сферы услуг (Зона свободной торговли услуг АСЕАН) и капиталов (Инвестиционная зона АСЕАН), создавая для этого новые механизмы регуляции и контроля. Согласно решениям Балийского саммита 2003 года, создание АЭС должно быть завершено к 2020 году, однако на конференции министров экономики стран АСЕАН 2004 г. была названа новая дата — 2015 год.

Рассмотренная через призму содержания Балийской декларации в целом, АЭС предстает «экономической опорой» Сообщества АСЕАН, двумя другими опорами которого оказываются Сообщество безопасности АСЕАН и Социально-культурное сообщество. Их появление также намечено на 2020 г.

В целом под оболочкой АЭС был впервые изложена целостная программа региональной экономической интеграции, разные положения которой до этого были рассредоточены среди десятков отдельных соглашений. По форме Балийская декларация согласия 2003 г. имела все признаки структурированной доктрины экономического развития региона, характеризующейся перечислением предлагаемых мер, сроков их исполнения, очередностью целей и соподчиненностью приоритетов, что позволяет считать ее функциональным аналогом Римского договора в ЕС.

⁵⁶ На сайте АСЕАН приводятся данные о том, что к середине 2009 г. финансирование получено под реализацию 124 проектов (более 90% об общего числа, из них 89 были завершены, 26 — находятся на стадии реализации, а 9 — на стадии разработки).

⁵⁷ Ha Noi Plan of Action. Ha Noi, 15 December 1998.

⁵⁸ Ferguson J.R. ASEAN Accord II: policy prospects for regional participant development // Contemporary Southeast Asia. Vol. 23. 2004. No. 3. P. 393–415.

⁵⁹ Declaration ASEAN Accord II (Bali Accord II). Jakarta : ASEAN Secretariat, 2003.

Важно отметить, что уже в момент разработки проекта Экономического сообщества АСЕАН в конце 1990-х годов оно было исходно рассчитано на фактическое вхождение в поле интеграционных усилий АСЕАН трех привилегированных партнеров из Северо-Восточной Азии — Китая, Южной Кореи и Японии, образовавших формат «АСЕАН плюс Три» (АПТ)⁶⁰. В декабре 1998 г. наряду с одобрением Ханойского плана действия лидеры АСЕАН приняли Заявление о решительных мерах⁶¹, где они подчеркнули «неразрывность экономических судеб АСЕАН и стран Северо-Восточной Азии».

В названии Экономического сообщества АСЕАН, очевидно, отразилось ставшее традиционным для стран группировки стремление выступать в интеграционных процессах как коллективный игрок, тем самым нивелируя свои слабые стороны при взаимодействии с более сильными государствами. Характерно, что страны Северо-Восточной Азии, понимая смысл попыток АСЕАН повсеместно утвердить свои «титульные» и организационно-процедурные преимущества, довольно безболезненно принимают эти правила игры, по-видимому, полагая, что экономические преимущества от преференциального взаимодействия превышают элементы ущемления престижа, с которыми сопряжено интеграционное сотрудничество со странами АСЕАН на асеановских же условиях.

Первый саммит АПТ прошел в декабре 1997 г. в составе всех лидеров АСЕАН, а также Китая, Южной Кореи и Японии. Хотя со временем спектр поднимаемых на саммитах АПТ проблем включил вопросы борьбы с инфекционными заболеваниями (атипичной пневмонией, птичьим гриппом), продовольственной безопасности и формирования вос-

точноазиатской идентичности, главным в деятельности АПТ по-прежнему остается (1) сращивание финансовых рынков стран Восточной Азии, (2) формирование общих регулирующих механизмов для повышения их управляемости и стабильности и (3) превращение финансовой сферы в дополнительный источник ускорения экономического развития в регионе через более эффективную мобилизацию капитала и перетока инвестиций.

На саммите АПТ в Маниле в ноябре 1999 г. в дискуссиях впервые прозвучала идея становления единого экономического комплекса в Северо-Восточной Азии с участием Японии, Южной Кореи и Китая и его последующего объединения с АСЕАН. На встрече в Сингапуре в 2000 г. она воплотилась в проект создания единой зоны свободной торговли в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Важно иметь в виду, что *экономическое сообщество в формате АСЕАН+3, в случае реализации этой идеи, возникнет в результате слияния индивидуально-групповых соглашений о ЗСТ между АСЕАН, с одной стороны, и каждым из трех привилегированных партнеров из СВА (Китаем, Японией и Южной Кореей) и самого Экономического сообщества АСЕАН. Пользуясь европейскими аналогиями, это будет означать простое расширение АСЕАН еще на 3 страны.*

В настоящее время финансовая интеграция в рамках АПТ реализуется в трех основных формах — Чианг-Майская инициатива (ЧМИ), инициатива азиатского рынка облигаций (АОРИ) и инициатива азиатской денежной единицы (АКЮИ).

Сказанное позволяет уточнить отличительные черты восточноазиатской экономической интеграции. *Во-первых*, как представляется, в отличие от ЕС, где формально-правовые условия интеграции экономик созданы, а реальное желание к этому со стороны бизнеса запаздывает, в Восточной Азии интеграция была производной от заинтересованности бизнеса в экономической экспансии, которое было возможным на путях включения в про-

⁶⁰ Mahani Z.A. ASEAN integration: at risk of going in different directions // The World Economy. Vol. 25. 2002. No. 9. P. 1263–1277.

⁶¹ Statement on Bold Measures, Ha Noi. 15 December 1998.

изводственно-распределительные цепочки как можно большего числа государств региона. Она протекала часто «помимо» и вопреки отсутствию межгосударственных двусторонних и многосторонних мер интеграционного характера. Отчасти этому способствуют факторы, которые обычно относят к факторам, затрудняющим интеграционное строительство, — несовпадение уровней развития (разница в стоимости трудовых и иных ресурсов, которая побуждает ТНК создавать производственные ячейки сразу в нескольких государствах, вовлекая их в единый хозяйственный процесс) и низкая эффективность государственного аппарата.

Во-вторых, в ЕС к моменту начала интеграции страны Западной Европы завершили процесс национальной консолидации. В них сложились относительно самодостаточные хозяйственные комплексы, стремящиеся к обособленности на основе внутреннего спроса и ориентированного на него предложения — с развитой промышленностью, транспортной инфраструктурой и системой социального обеспечения. В рамках этих систем государство сохранило сильные контрольно-распределительные функции. В Восточной Азии единственной страной, достигшей уровня национальной зрелости, была Япония, осуществившая модернизацию к концу XIX — началу XX века. Другие же страны сразу, не окрепнув, оказались включенными в тренды интернационализации производства. Слабое государство не смогло в этих условиях завершить процесс «экономического нацистроительства», а многие отрасли довольно быстро оказались «подчинены» интересам крупных ТНК, многие из которых базировались в Японии, Южной Корее, Китае, содействуя стягиванию региона в единый производственный комплекс, на который рассчитывают лидеры стран АСЕАН.

В-третьих, в Западной Европе отчетливо прослеживается строгая очередность этапов в сращивании хозяйств, ставшая

в литературе 1960–1970-х годов «классической». Там интеграция в торговле предшествовала интеграции в сфере финансов и особенно валютного обращения. В Восточной Азии, вероятно, в силу наложения на ускорившиеся интеграционные процессы глобализации мировых рынков капитала, интеграция в торговле хотя и опережала все другие, но вскоре стала развиваться параллельно с валютно-финансовой интеграцией, которая со временем, особенно в свете кризиса 1997–1998 гг., превратилась в главный акцент усилий восточноазиатских государств в деле сближения их экономик.

В-четвертых, если в ЕС валютно-финансовую интеграцию предвляло создание полноценного таможенного союза с возведением единого тарифного барьера по периметру внешних пределов сообщества, а фаза зоны свободной торговли оказалась «смазанной», то в Восточной Азии этап создания таможенного союза пока себя не обозначил. Миновав его, страны сразу приступили к созданию ЗСТ с внегрупповыми странами и шагнули к этапу валютно-финансовой координации.

По-видимому, этап таможенного союза оказался менее востребован в Восточной Азии, потому что здесь действуют более жесткие правила определения происхождения товаров, благодаря чему резко снижена возможность злоупотребления на реэкспорте товаров⁶².

В-пятых, природа договорно-правовой базы складывающегося экономического сообщества АПТ носит комбинированный, индивидуально-групповой характер. Это означает, что страны АСЕАН заключают соглашения по формуле «10 + 1» в качестве коллективного субъекта. На сегодняшний день такое согла-

⁶² Общее правило заключается в том, что как минимум 40% компонентов товара от общей стоимости товара должны быть произведены в странах АСЕАН, причем в эти 40% могут входить детали, произведенные в разных странах. При этом общая стоимость товара включает стоимость сырья, оплату труда, прибыль и транспортные расходы.

шение подписано только с КНР (2002), причем пока — только в сфере торговли товарами и с Республикой Корея (2006). Создание экономического сообщества в рамках АСЕАН+3 вряд ли состоится раньше начала работы Экономического сообщества АСЕАН, намеченного на 2015 г. Вот почему темпы и качество интеграции внутри «десятки» должны опережать интеграцию в более широком масштабе региона.

В-шестых, следует подчеркнуть еще одну важную черту парадигмы экономической интеграции в Восточной Азии, ее *асинхронность* и *многоуровневость*. Экономическая интеграция в Восточной Азии проявляется с разной степенью глубины и интенсивности на нескольких уровнях. В рамках наиболее консолидированного ядра — АСЕАН-6 речь идет о функционировании зоны свободной торговли, ставятся задачи о единой зоне услуг и инвестиций. На уровне внешней оболочки — АСЕАН в формате «АСЕАН + Три» и решаются задачи финансовой координации. Как и в ЕС, более глубокая степень интегрирования в ЮВА отмечается на уровне ядра, однако и в нем степень участия стран различна, поскольку в этой части мира интеграция имеет не сплошной, как в ЕС, а очаговый характер. В Европейском Союзе периодическое возникновение очагов нивелируется фактором единого правового пространства.

6

С точки зрения управления интеграционными процессами существенно следующее наблюдение. В «АСЕАН плюс Три» и в ЕС механизм принятия ключевых интеграционных решений работает типологически схожим образом. Главную роль в них играют не наднациональные институты, а исполнительная власть стран-членов. В ЕС — это Европейский совет, а в Восточной Азии — регулярные саммиты глав государств и правительств. Сфера компетенции наднациональных органов в Евросоюзе охватывает в основном самые «технократические» сферы — отношения

экономического и научно-технического характера. Государства ЕС неохотно следуют наднациональной процедуре принятия решений⁶³. Многие вопросы реального делегирования суверенитета по-прежнему решаются путем межправительственных согласований. В Азии более сложная картина. На фоне продолжительной и трудной борьбы за суверенитет в политике сама эта мысль не получает поддержки. В Восточной Азии идея ограничения суверенитета, его делегирования на наднациональную ступень подсознательно связывается с «реанимацией колониализма». *Идеал Восточной Азии — не универсальная, а избирательная, не максимальная, а дозированная интеграция в экономике под строгим контролем суверенных национальных правительств*. Местные страны готовы частично и постепенно делегировать органам межгосударственного сотрудничества и координации некоторые из своих экономических полномочий в отдельных, секторальных вопросах, но вряд ли, насколько можно пока судить, — политическую власть. Стратегия регионального сотрудничества причудливо совмещается в мышлении лидеров восточноазиатских стран с образом сильного государства. Продолжая шаги в направлении к взаимному экономическому сближению, восточноазиатские страны применяют для его характеристики слово «регионализм». При этом оно употребляется в том же значении, что и слово «интеграция» в применении к ЕС. В обоих случаях имеется в виду преференциальное сближение для достижения общих целей.

Типологическое своеобразие демонстрирует подход восточноазиатских лидеров в процедурно-языковом вопросе. Он поражает прагматизмом. Согласно формальной логике прохождения ста-

⁶³ Согласно официальной статистике Комиссии ЕС, несмотря на то что простое и квалифицированное большинство определены базовыми договорами в качестве основных методов голосования, около 80% решений в Совете принимается консенсусом.

дий насыщения государственным суверенитетом, именно незападные, а точнее — неевропейские, государства должны были бы настаивать на использовании всех языков в статусе официальных. Это закономерно — ведь они не трактуют демократию и демократичность как уважение прав меньшинств, даже если это ведет к ущемлению прав большинства. Как представляется, то, что обычно принимается за культурно-языковую идентичность Европейского Союза, скорее всего, является на деле его политической идентичностью, так как с точки зрения критериев целесообразности и административно-процессуальной эффективности практика перевода на более чем два десятка языков, скорее, замедляет, нежели упрощает интеграцию в Европе. В Азии базис идентичности, как и в Европе, более мотивирован политически, чем культурно, но в Европе упоенность идеями политической свободы и своим превосходством над другими частями мира вылилась в подчеркнуто почтительное отношение к языкам и локальным культурам малых этнических групп. В Восточной Азии основой региональной идентичности были не столько культура, сколько исторически утраченные политические комплексы, чувство солидарной обиды за унижение и подчиненное положение Азии в XIX–XX вв. Эти политические представления, так же как и идея превосходства возвращенной в Европе либерально-демократической философии, доминировали при реализации интеграционных проектов. Но в отличие от Европы из них вырос не болезненный интерес к собственной разности, а ощущение острой потребности найти прагматические формы претворения своей региональной солидарности как солидарности азиатских государств, имеющих общую (печальную) историю «против всех остальных».

Сопоставление восточноазиатской интеграции с процессами в зарубежной

Европе осложняется их асинхронностью. В Восточной Азии интеграционные тенденции зародились на 15–20 лет позднее, чем в Западной Европе, и даже с учетом фактора «сжатия времени», ускорения плотности истории и гипотетической возможности повторения опыта западноевропейцев они либо находятся на более ранней стадии развития либо воплощаются в нарушение очередности этапов интеграции в ЕЭС/ЕС. В этом смысле любые попытки синхронного, «симметричного» сравнения восточноазиатской интеграции с аналогичным опытом ЕС аналитически вряд ли корректны и уж точно малопродуктивны. Более того, само понятие «интеграция» быстро и существенно меняется, что ведет к размыванию казавшегося 20 и 30 лет назад незыблемым «европейского интеграционного канона». Трактовки интеграции вбирают в себя опыт неевропейских интеграционных очагов, и в этом смысле даже интеграция в ЕС становится «менее европейской» или, во всяком случае, менее западноевропейской, если иметь в виду исходные интеграционные представления и сформулированные в конце 1950-х годов правовые нормы.

Тем не менее анализ интеграционных процессов в свете результатов сравнительно-аналитического исследования опыта интеграции в Европе и Азии дает возможность подчеркнуть наличие черт существенного типологического сходства в развитии интеграционных группировок на пространстве Европейского Союза и в Восточной Азии.

Сходство прослеживается в (1) наборе исходных мотиваций, среди которых важную роль играла боязнь внутрирегиональных конфликтов, необходимость объединения перед лицом более крупных, прежде всего внерегиональных игроков; (2) в установке на упрощение условий внутрирегионального экономического обмена и создание условий для повышения конкурентоспособности интеграционной группы в целом по отношению к «сторонним» государствам; (3) усилиях по созданию сим-

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ

волов общей идентичности, основанных на политических мифах об общем историко-культурном наследии и общности исторических и экономических судеб в будущем; наконец, в (4) механизме управления ин-

теграционным процессом, для которого в обеих сравниваемых группировках характерен акцент на преобладании *меж*правительственного подхода к принятию главных решений.